

Кира Эммануиловна Кирова

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЖ.ГАРИБАЛЬДИ

Из истории общественных движений и международных отношений

Сб. статей в память академика Е.В.Тарле

М.: изд-во АН СССР. 1957. С.455-474

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

Ссылки на тематические материалы даны нами после текста статьи

«Битва за Гарибальди», начавшаяся в западноевропейской публицистике и историографии еще при его жизни, не окончена и по сей день.

В сознании итальянского народа имя Гарибальди связано с глубочайшими традициями борьбы за национальную независимость и свободу. В 30-х годах XX в. это имя носил батальон итальянских волонтеров, выступивших в защиту испанской республики против войск Гитлера и Муссолини, а в 40-х годах XX в. гарибальдийцами называли себя многие борцы итальянского сопротивления. Реакционеры спекулируя на отдельных высказываниях и поступках народного героя и отрывая их от общей его деятельности и системы взглядов, усиленно стараются объявить его «своим». Г. Димитрову в докладе на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, говоря о фашистских методах фальсификации истории, пришлось особо отметить, что «Муссолини усиленно старается нажить капитал на героическом образе Гарибальди¹.

В то же время у некоторых прогрессивных историков замечается тенденция канонизировать образ Гарибальди и, оставляя в тени его слабости и ошибки, приписывать ему чуть ли не современные, социалистические возврзения.

Настоящая статья не претендует на то, чтобы показать социально-политические взгляды Гарибальди во всей их сложности, а подчас и противоречивости. Мы хотели бы, однако, наметить основные вопросы, волновавшие народного героя, и основные пути, которыми шла его мысль. Эти пути были в основном подсказаны ему непосредственной практикой революционной борьбы.

Гарибальди не писал теоретических статей, и материалом для данной работы послужили отдельные высказывания, в изобилии рассыпанные в его письмах, прокламациях, обращениях, набросках, а также в романах Гарибальди: «Клелия», «Тысяча» и «Кантони Волонтер», написанных им, по его признанию, в значительной мере для того, чтобы изложить свои взгляды.

В 30—50-х годах XIX в. Италия была экономически отсталой и политически раздробленной, обремененной множеством феодальных пережитков аграрной страной. Ее промышленность хирела, стиснутая рамками отгороженных друг от друга политическими и таможенными границами маленьких государств, и лишь в 40-х годах — да и то лишь в наиболее развитых экономически областях северной Италии — вступила в стадию

¹ Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1937, стр. 54.

промышленного переворота. В сельском хозяйстве были сильны феодальные пережитки. Итальянские буржуа, усиленно вкладывая в сельское хозяйство свои капиталы, эксплуатировали теми же полуфеодальными методами, что и помещики-дворяне, обезземеленных и превращенных в нищих крестьян-использующих и батраков.

Политическая раздробленность и иностранный (австрийский, а после 1849 г. и французский) гнет мешали развитию капитализма в стране, и борьба за достижение национальной независимости и единства становилась, таким образом, основным содержанием буржуазной революции в Италии.

В ходе борьбы за сохранение старых порядков выступили блокировавшиеся с Австрией (а позднее и с Францией) итальянские государи, католическое духовенство и феодальная часть дворянства. Внутри возглавляемого итальянской буржуазией и либеральным (обуржуазившимся) дворянством антифеодального лагеря образовалось два течения.

Либерально-монархическое крыло итальянского национально-освободительного движения (крупные буржуа и крупное либеральное дворянство) боялось роста демократических сил в стране и было против привлечения народных масс к освободительной борьбе, да и вообще против революционной борьбы за национальную независимость и единство. Его лидеры ждали разрешения национальных задач и создания единого итальянского королевства от дипломатических переговоров и династических войн наиболее сильного из итальянских государств — Пьемонта.

Основанная в 1831 г. знаменитым итальянским буржуазным революционером Дж. Мадзини и выражавшая интересы мелкой и средней итальянской буржуазии и мелкого и среднего обуржуазившегося дворянства революционно-демократическая подпольная организация «Молодая Италия» видела свою цель в подготовке народной войны за освобождение и превращение Италии в единую демократическую республику.

Реализация этой программы требовала привлечения к борьбе крестьянства, составлявшего основную массу населения страны, а следовательно, и обещания ему всей или части помещичьих земель.

Но итальянские буржуа — даже и средние и мелкие, — владея землей и выступая в тесном союзе с либеральным дворянством, и слышать не хотели о выдвижении аграрных лозунгов в национально-освободительном движении, а насильственная экспроприация помещичьих владений казалась итальянским буржуазным революционерам, во главе с Мадзини, прямым нарушением тех «прав человека», за которые они боролись.

Отказавшись от выдвижения аграрных лозунгов, Мадзини в начале 30-х годов еще надеялся, что выдвинутой им программы более мелких реформ окажется достаточно, чтобы привлечь народ к борьбе². Почувствовав впоследствии шаткость своей позиции, он пытался возместить отсутствие аграрных лозунгов обращенным к народу призывом бороться за национальную независимость и единство не во имя «корыстных» материальных интересов, а из одной лишь чистой самоотверженности и любви к Богу. В 40—50-х годах в его работах все более настойчиво звучат религиозно-мистические ноты. Затушевывая классовые противоречия внутри национально-освободительного лагеря, Мадзини усиленно прокламирует общенациональный (т. е. надклассовый) характер движения и всячески

² См. нашу статью «Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини» в сборнике «Из истории социально-политических идей». К семидесятилетию академика В. П. Волгина. М., 1955.

подчеркивает, что нужно сначала разрешить национальные задачи, а потом уже думать о разрешении социальных проблем.

* * *

Дж. Гарибальди вступил в «Молодую Италию», включавшую тогда в свой состав лучшую часть итальянской буржуазно-демократической молодежи, в 1833 г. Общеизвестны прекрасные строки его воспоминаний о том, как он, совсем еще молодой и никому не известный моряк, точно Колумб, увидевший землю, обрадовался, узнав о существовании организации, члены которой согласны отдать жизнь за величие и славу Италии.

Любовь Гарибальди к родине, которая привела его в «Молодую Италию», была любовью гордого и свободолюбивого человека, хорошо понимающего, что «лучше умереть, чем жить рабами иностранца»³, и провозгласившего, что «нации, как индивидуумы, нуждаются в достоинстве, чтобы жить»⁴. «Что мне сытое благополучие раба! — воскликнул он в юношеском своем стихотворении,— я предпочел бы увидеть Италию пустыней, ее дворцы разрушенными и ее города лежавшими в руинах... чем видеть ее трепещущей перед палкой вандала, обесчещенной и трусливой»⁵.

В 1834 г. Гарибальди, приговоренный пьемонтским правительством к смертной казни за участие в организованной Мадзини попытке восстания, бежал в Южную Америку, где оставался до 1848 г., сражаясь за свободу южноамериканских республик.

Его связи с «Молодой Италией» не прекратились и в эти годы. Он активно участвовал в работе основанного итальянскими эмигрантами в Бразилии отделения «Молодой Италии» и вступил в переписку с жившим в Лондоне Мадзини, чьим сторонником и даже поклонником Гарибальди, вплоть до 1848—1849 гг., когда возникли их первые разногласия, объявляя себя не раз.

Вырастая как политический деятель на идеях «Молодой Италии», Гарибальди жадно впитывал ее революционность, ее республиканские идеалии, ее программу борьбы за национальную независимость и единство. В основу своих представлений об освободительной борьбе он положил тезис Мадзини о привлечении к этой борьбе народа.

Но он не избежал и буржуазной ограниченности и недостатков «Молодой Италии». Религиозный мистицизм Мадзини его не коснулся — Гарибальди был слишком жизнерадостной и полной оптимизма натурой,— но характерное для мадзинизма затушевывание классовых противоречий и подчеркивание надклассового характера движения наложило на его идеологию, как и на идеологию подавляющего большинства итальянских демократов, свой отпечаток.

Не понимая классового строения современного ему общества, Гарибальди представлял себе освободительную борьбу как борьбу с одним лишь политическим деспотизмом и тиранией. Последние он определял как насильтвенное правление меньшинства. «Представьте себе,— говорил он в 1862 г. рабочим г. Пармы,— что нас 100 человек. 80 из нас хотят одного правительства, а 20 — другого. 20, которые насилиют волю

³ «Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi» (далее: Garibaldi), vol. IV, Bologna, 1934, p. 150.

⁴ G. Garibaldi. Clelia. Il governo del monacco (Roma nel secolo XIX). Milano, 1870, p. 364.

⁵ Elpis Melena. Garibaldi. Zweiter Band. Hannover, 1884, p. 184.

80,— это и есть деспоты, тираны»⁶. Порабощая народы, тираны, чтобы удержать свою власть над ними, окружают себя шпионами и палачами, чиновниками и войском и, призывая к себе на помощь своих ближайших союзников — попов, держат народы в невежестве и нужде.

Тиранами, угнетавшими итальянский народ, для Гарибальди были мешавшие объединению страны австрийское, а после 1849 г. и французское правительства и «внутренние» деспоты — полуфеодальные итальянские государи во главе с «злым гением Италии» — римским папой. В папстве Гарибальди видел одно из главных препятствий объединению и возвышению Италии; считал «тиранию, восседающую в Ватикане», явлением наиболее унижающим и позорящим Италию⁷, неоднократно подчеркивал антинациональную, ретроградную роль папства и католического духовенства. «Случись Италии пережить вторжение, и попы с крестами в руках пойдут впереди вторгшихся», — писал он уже в 70-х годах XIX в.⁸.

Борьба итальянского народа с внешними и внутренними деспотами, т. е. его борьба против внешнего и внутреннего феодального гнета, была для Гарибальди в первую очередь борьбой за национальную независимость и политическое единство.

Видя в этом «вопрос жизни и смерти» и первую потребность полуострова, он звал своих сторонников ставить национальную независимость и единство «превыше всего» и добиваться их «любой ценой»⁹.

Борьба итальянского народа была также борьбой за свободу — «этот наиболее драгоценный дар, который пророчество дало народам», за республику, в которой Гарибальди видел правительство большинства, единственно способное обеспечить «мир и процветание нации»¹⁰, и борьбу, за которую объявлял долгом «всякого честного человека, не желающего склонить колени перед деспотизмом и ложью»¹¹. Его конкретные представления об организации республиканского строя были на первых этапах его деятельности еще очень неопределенны и базировались в значительной степени на античных образцах. Опасаясь, что деспотия может получить перед республикой «преимущество концентрации власти», Гарибальди на протяжении многих десятилетий развивал также своеобразную теорию выборной республиканской диктатуры, которая должна учреждаться в кризисные для нации моменты и на время которой нация всеобщим голосованием и на срок не более чем в два года передает власть «лучшему из своих граждан». Теория республиканской диктатуры также подкреплялась у Гарибальди античными реминисценциями, ссылками на диктаторов древнего Рима.

Борьба итальянцев с «деспотией» должна была, по представлению Гарибальди, вестись силами всего народа, т. е. всей нации (за исключением разве лишь реакционного католического духовенства), и Гарибальди не раз говорит о ней как о борьбе, в которой замолкают частная (т. е. классовая) ненависть и раздоры, и богатые и бедные, «все классы граждан подают друг другу руки...», чтобы защищать совместно общий дом»¹².

По-мадзинистски представляя себе надклассовый («общенациональный») характер движения, Гарибальди в понимание народной войны за

⁶ Garibaldi, vol. V, Bologna 1935, p. 49.

⁷ Ibid., vol. III, Bologna 1933, p. 141.

⁸ Ibid., vol. VI, Bologna 1937, p. 248.

⁹ См. Garibaldi, vol. III, p. 222; vol. V, p. 168, 196, 232.

¹⁰ G. Theurgas. Garibaldi en France. Paris, 1891; Annex 3.

¹¹ Garibaldi, vol. VI, p. 106.

¹² Ibid., vol. V, p. 68.

освобождение вкладывал многое своего. Мадзини, даже и на первых порах¹³ своей деятельности испытывая смутное чувство страха перед народом, видел в народе всего лишь «рабочие руки революции» и самую войну за независимость понимал как *guerra per bande* — войну отрядами, в которых вооруженные ремесленники и крестьяне находятся под руководством офицеров из дворян и буржуа, а народная инициатива скована множеством правил, инструкций, стремящихся не только организовать национально-освободительную борьбу, но и помешать ей перерасти в социальную. Поэтому Мадзини случалось даже иногда противопоставлять войну отрядами — массовому поголовному подъему всего народа (*leva in masse*).

Гарибальди страха перед народом не знал, и подобная постановка вопроса была ему чужда. Народная война была для него массовым поголовным восстанием всего населения, борьбой миллионов вооруженных итальянцев, когда каждый встает на борьбу, каждый берется за оружие, вся страна превращается в вооруженный лагерь, вся нация образует войско, «презирает препятствия, смеется над опасностями, не считает врагов»¹⁴ и побеждает неотвратимо, ибо «победа никогда не изменяет народу, если он полон твердой решимости победить»¹⁴.

Гарибальди задумывался над общими проблемами движения по мере того как их ставила перед ним непосредственная практика борьбы. В 30—40-х годах XIX в.—в годы американского изгнания и отрыва от родины—готовность итальянского крестьянства к национально-освободительной борьбе, которая даже и не обещает улучшить его материальное положение, еще не вызывала у него никаких сомнений.

В 1848—1849 гг. антинародная позиция, занятая итальянской буржуазией в аграрном вопросе, толкнула значительную часть итальянского крестьянства в феодальный, австрийский лагерь и стала одной из причин поражения буржуазной революции в Италии.

Гарибальди, тщетно призывавший осенью 1848 г. ломбардских крестьян к борьбе за освобождение и возглавивший летом 1849 г. героическую, но ввиду пассивности крестьян, обреченную на поражение оборону Римской республики, имел неоднократную возможность в этом убедиться.

Уже в наше время был опубликован документ, не датированный Гарибальди, но написанный им, судя по ряду признаков, под непосредственным впечатлением событий 1848—1849 гг. Это набросок обращения «К итальянским средним классам», к землевладельцам и торговцам¹⁵. «Я обращаюсь к вам, итальянцы не знатные, но обладающие состоянием,— писал Гарибальди,...— Вам принадлежат усилия наибольшие, хотя и недостаточные, во время последних событий в Италии... Но загляните вглубь ваших сердец и ответьте мне: выполнили ли вы свой долг в вопросе жизни и смерти, о котором шла речь в 1848—1849 гг.? ¹⁶... Почему Ломбардские отряды (речь идет о сражавшихся против Австрии отрядах Ломбардских волонтеров.— К. К.) состояли только из образованной молодежи, а не из батраков? В них нехватало людей сильных, созданных, чтобы переносить усталость, восприимчивых к дисциплине, какими являются крестьяне. То же я должен сказать и о других государствах Италии... В Лигурии, в неаполитанских провинциях, в Риме — всюду я видел то же и с горечью убедился, что в Италии — как и в Польше и в Венгрии — существует нена-

¹³ Garibaldi, vol. IV, p. 98.

¹⁴ Ibid., vol. V, p. 200.

¹⁵ Ibid., vol. VI, p. 572—577.

¹⁶ Т. е. в борьбе за национальную независимость и единство.¹⁷

висть между землевладельцами и батраками». «Поэтому,— продолжал Гарибальди,— землевладельцы должны завоевать симпатию зависящих от них людей, благодетельствуя им... отдавая им часть своего излишка, помогая им, когда они больны, обращаясь с ними по-братьски, когда это позволяет дисциплина,— и тогда, когда раздастся клич освобождения Италии, которого вы ждете, у вас будут сильные и горячие последователи, которые составят ядро национального войска... Но если вы этого не сделаете, если вы, подобно повелителям африканских рабов, оставите несчастным лишь то, что необходимо, чтобы не умереть с голоду,— тогда вы не должны ждать от них ничего, кроме отвращения и ненависти, ибо рабу естественно смертельно ненавидеть своего тирана. И тогда в день, когда устав от иноземных цепей,... вы захотите их сбросить... крестьянин, поденщик, моряк с безразличием, а возможно и с радостью будут смотреть, как вас поведут в изгнание».

Поняв необходимость улучшить положение крестьян для привлечения их к освободительной борьбе, Гарибальди не выступил с этим публично. Надо полагать, он боялся даже осторожной постановкой вопроса оттолкнуть от национально-освободительной борьбы итальянских помещиков и буржуа. Он не выдвинул аграрных лозунгов и в его обращениях и прокламациях по-прежнему говорилось лишь о борьбе с политической тиранией, за политическую свободу и единство.

Но сознание внутренней слабости оторванной от крестьянских масс итальянской демократии уже не покидало Гарибальди. Он не был в этом одинок. После поражения революции 1848—1849 гг. многие республиканцы считали силы демократии недостаточными для объединения Италии и установления республики, и во второй половине 50-х годов среди итальянской эмиграции в Лондоне возникло под председательством бывшего диктатора Венецианской республики 1848—1849 гг. Манина «Национальное общество», поставившее своей целью борьбу за объединение Италии под главенством наиболее буржуазной из всех итальянских монархий — Пьемонта.

Мадзини, разделявший, как известно, подобные взгляды в 1848 г., но убедившийся в ходе революции в нежелании и неспособности монархистов возглавить борьбу за объединение, выступил теперь против ориентации на Пьемонтскую монархию.

Программа и тактика самого Мадзини становились, однако, все более порочными, и его фанатические попытки «галванизировать», как он признавался, Италию и поднять на полуострове национально-освободительную борьбу, не считаясь с тем, готовы ли к ней широкие массы, приводили лишь к новым бесплодным жертвам.

Гарибальди, инстинктивно учитывая настроения народных масс, стоял на стороне организуемых мадзинистами в годы реакции попыток восстаний и выступил с публичным их порицанием¹⁷.

Оторванная от народа заговорщическая тактика мадзинистов еще более убеждала Гарибальди в слабости итальянской демократии. Надеясь, что союз с монархистами объединит силы и будет полезен для «общего дела», он принял предложенную «Национальным обществом» противовесственную формулу «союза монархии и революции» и сформулировал свою новую политическую программу в монархическом лозунге: «Единая Италия и Виктор-Эммануил» (король Пьемонтский).

¹⁷ См. Garibaldi, vol. IV, p. 160.

Этот поступок Гарибальди послужил поводом для ожесточенных споров о его политических убеждениях. Некоторые историки и сейчас еще делают из него вывод, что Гарибальди был убежденным монархистом¹⁸. Между тем из всего комплекса политических высказываний Гарибальди, не говоря уже о революционной его практике, неопровержимо следует, что, идя на компромисс с монархией, он не переставал считать республику идеальной формой государственного устройства, а свой отказ от непосредственной борьбы за нее расценивал как большую личную жертву.

«Я могу с гордостью сказать, что я республиканец... — читаем мы в его воспоминаниях, — и в стране свободной выбирать свое правительство, я бы выбрал республику, как и сделал это в 1849 г. в Риме...», но «в современном испорченном обществе республика невозможна... и когда представилась возможность объединить полуостров — потребность первая и главная — с помощью комбинации «Италия и Виктор-Эммануил», я к ней полностью присоединился»¹⁹. «Это не верно, что королям мы сделали дар. Мы служили Италии. Мы не служили личностям», — писал он в посвященном В. Гюго стихотворении о себе и своих волонтерах 1859—1860 гг.

Во многих его высказываниях тех лет сквозят так же точно пропитанные иллюзиями просвещенного абсолютизма надежды на «особенного короля», «короля — исключение», каким окажется Виктор-Эммануил и который якобы обеспечит своим поданным особый восстановительный режим и чуть ли не все преимущества республиканского строя. Несомненно, что наличие подобных иллюзий — и это во второй половине XIX в. — подтверждает правильность замечания А. Грамши о несистематичности и бедности политических взглядов Гарибальди²⁰, так же, как общая неустойчивость практической позиции итальянской демократии в вопросе о форме государственного устройства лишний раз свидетельствует о поверхности и нестойкости буржуазного республиканизма и о том, что подлинным до конца верным защитником республики может быть только пролетариат.

Наивысшим подъемом революционной деятельности Гарибальди и, одновременно, величайшей проверкой его взглядов и программы в огне революционной борьбы явилась его знаменитая экспедиция «тысячи».

Гарибальди отправился в эту экспедицию со своей старой программой народной борьбы против политической тирании и под своим новым лозунгом «Единая Италия и Виктор-Эммануил, король Италии».

Но в южной Италии Гарибальди очутился в самый разгар революционной ситуации и в самой гуще борьбы крестьян за землю. В Сицилии отряды вооруженных крестьян весной и летом 1860 г. захватывали общинные и поместичьи земли²¹, а в неаполитанских провинциях захват крестьянами земель начался еще ранее высадки там Гарибальди и его волонтеров²². И тут стало ясно, что уроки революции 1848—1849 гг. не прошли для Гарибальди бесследно. Он не только освободил население южной Италии от наиболее ненавистных налогов бурбонского правительства, не только распорядился раздавать городской бедноте дешевый хлеб и вернуть ей

¹⁸ См. хотя бы D. Mack Smith Cavour and Garibaldi, 1860. Cambridge, 1954. p. 17. По мнению автора, Гарибальди был «a loyal and enthusiastic monarchist».

¹⁹ Garibaldi, vol. I, p. 228—229.

²⁰ A. Gramsci. Risorgimento. Torino, 1950, p. 186.

²¹ S. Romano. Momenti del Risorgimento in Sicilia. Messina — Firenze, 1952, p. 192—193 и др.

²² См. Racciorpi. Storia dei moti di Basilicata e delle province contermine nel 1860. Bari, 1910, p. 163—167 и др.

заложенные в ломбардах дешевые вещи, но издал декрет, дающий некоторым безземельным крестьянам и участникам национально-освободительной борьбы в Сицилии право на получение участков городских и общинных земель²³. А высадившись в Калабрии и идя со своими отрядами к Неаполю, возвращал жителям провинций, через которые лежал его путь, захваченные у них буржуазией и помещиками общинные земли²⁴.

Эти мероприятия не разрешали в целом аграрной проблемы в Южной Италии, но даже и сделанных народу частичных уступок оказалось достаточно, чтобы вызвать испуг и ярость итальянской буржуазии и в то же время обеспечить Гарибальди восторженное поклонение и содействие сицилийских и неаполитанских крестьян.

Уже в Сицилии под его начало стекались вооруженные крестьянские отряды, а в Калабрии путь Гарибальди, после первых же побед, превратился в подлинно триумфальное шествие. Бурбонское войско распадалось на глазах, и его солдаты, в подавляющем большинстве крестьянские сыновья, складывали оружие с возгласами: «Да здравствует Гарибальди!». Окрестные крестьяне сходились приветствовать победителей за десятки километров. На пути Гарибальди вспыхивали антибурбонские восстания ремесленников и рабочих²⁵.

«7 сентября 1860 г. писал он впоследствии о своем вступлении в столицу Южной Италии,— Пролетарий вошел в Неаполь со своими друзьями... в красных рубашках... Народные освободители заняли королевское гнездо еще горячее. Роскошные королевские ковры были попраны грубыми сапогами пролетариев»²⁶. Гарибальди не был, конечно, «пролетарием». Но его победа над Бурбонами была подлинно народной победой.

Все же преодолеть до конца свою буржуазную ограниченность Гарибальди не смог. Это сказалось поздней осенью 1860 г., когда пьемонтская армия двинулась к границам Неаполитанского королевства — официально для того, чтобы завершить разгром Неаполитанских Бурбонов, а фактически, чтобы обеспечить (не останавливаясь в случае нужды и перед боями с гарибальдийцами) скорейший переход южной Италии под власть пьемонтской монархии и тем прекратить освободительный марш Гарибальди, развязывавший революционные силы на всем полуострове.

В южных провинциях в это время захваты вооруженными крестьянами помещичьих земель принимали все более массовый характер, обострялась классовая борьба городских ремесленников и рабочих. Перепуганные городские и сельские буржуа конспирировали с Кавуром, стараясь ускорить присоединение Южной Италии к Пьемонту²⁷, и даже в организованном Гарибальди правительстве все явственней оказывались происки и влияние антигарибальдийских кавуристских элементов.

Гарибальди, стремившийся к освобождению Рима и Венеции и нуждавшийся в южной Италии как в базе для дальнейших походов, оказал-

²³ S. Romano. Op. cit., p. 139.

²⁴ Racc i oppi. Op. cit., p. 218.

²⁵ См. Racc i oppi. Op. cit., Capitolo XV и др.

²⁶ Garibaldi, vol. III, p. 170-171.

²⁷ Так, в начале октября 1860 г. Виктору-Эммануилу была подана петиция 14 муниципалитетов Абруци, авторы которой, делая резкие выпады против Гарибальди и его соратников «умоляли» короля занять своими войсками провинции, которым грозят «беспорядок и анархия». Подписи под обращением к Виктору-Эммануилу, зовущим его «восстановить мир и порядок в государстве», собирались, по свидетельству Криспи, в провинции и в Неаполе на улицах и в кафе, так что правительству диктатуры пришлось, в конце концов, запретить организацию подобных петиций (Crispi. I mille. Milano, 1911, p. 315—316).

ся в трудном положении. Он мог теперь удержать власть на юге лишь вступив в прямую борьбу с пьемонтской монархией и всей массой северной и южной буржуазии и обуржуазившегося дворянства, которые стояли за ее спиной. И это не говоря уже о группировавшейся вокруг Бурбонов и Ватикана феодальной реакции. Гарибальди мог бы рассчитывать на победу в этой борьбе, лишь конфисковав поместья земли и возглавив разгоравшуюся в южных провинциях крестьянскую революцию.

Но для Гарибальди это шло вразрез со всеми его убеждениями — в незыблемости частной собственности на землю, в необходимости всем классам итальянского общества (всей нации, как говорил он) бороться за национальное возрождение в тесном союзе друг с другом. Из всей итальянской буржуазной демократии он был наиболее близок к народу, но разорвать со своим классом, стать вождем крестьянской революции он не смог. Мы находим в его высказываниях неоднократные указания на то, что он отступил перед «братаубийственной» (т. е. перед гражданской.— К. К.) войной. Он передал власть в Южной Италии Виктору-Эммануилу и, откашившись от лицемерно предложенных ему королем наград, уехал на свою каменистую Капреру²⁸. Лишенное руководства крестьянское движение было задушено; героическая эпопея «тысячи» закончилась образованием итальянского королевства.

В последующие годы, борясь за освобождение Венеции и Рима, Гарибальди по-прежнему призывал к «согласию» и защите «общего дела». И все же революционный 1860 г. заставил его во многом пересмотреть старые представления о силах национально-освободительной борьбы. При всем своем ослеплении «общенациональными» целями, Гарибальди не мог не увидеть, что его «тысяча» состояла в значительной степени из рабочих и ремесленников северной и центральной Италии и что в южных провинциях на его пути рабочая и ремесленная беднота поднимала антибурбонские восстания, в то время, как перепуганные собственники, стремясь прекратить развивающуюся революцию, все более откровенно занимали антинациональные позиции.

В его высказываниях все резче звучали теперь выпады против «людей живота», которые «хотят лукулловских ужинов, а не Рима и Венеции».

«Те, кто имеет 100 тыс. франков дохода, не чувствуют потребности в независимости и свободе, тем, кто едва имеет одну лиру в день, необходимо дать эти два богатства», — писал он в 1862 г.²⁹.

Разочарование в собственнических классах заставляло Гарибальди тем более ценить патриотическую готовность пролетариата, тем нетерпеливее думать о дне, когда итальянские рабочие «поднимутся, чтобы свершить судьбы родины, которые не могут и не хотят свершить привилегированные касты»³⁰.

Это из рабочих мастерских должны выйти могучие отряды защитников родины³¹. «Это в ремесленных классах залог будущего величия нашей родины!» — утверждал Гарибальди³².

После 1860 г. в Италии начало возникать организованное рабочее движение, появлялись рабочие общества, братства. Гарибальди, приветствуя первые попытки рабочих сорганизоваться, стоял у колыбели многих из этих обществ, был их почетным председателем, членом. Организуя в 1862

²⁸ Крохотный островок близ Сардинии, принадлежавший Гарибальди.

²⁹ Garibaldi, vol. V, p. 26—27.

³⁰ Ibid., p. 269.

³¹ Ibid., p. 259.

³² Ibid., p. 17.

и 1867 гг. свои походы на Рим, он звал рабочих овладевать оружием и быть готовыми к борьбе за национальную независимость и единство.

«Если бы все граждане чувствовали то же, что и рабочие, Италия была бы уже едина!» — писал он рабочему обществу Кремоны³³.

Веру в пролетариат как в защитника национальной независимости и единства Гарибальди сохранил до конца дней. В 1880 г. он писал обществу римских возчиков о своей уверенности в том, что «если Италии будетгрозить вторжение — она всегда сможет рассчитывать на загрубелые руки своих храбрецов», а в 1882 г. за несколько недель до смерти, передал свой последний привет рабочим Палермо, которые «от Веспро... и до наших дней высоко держат знамя свободы и независимости нашей родины»³⁴.

60 и 70-е годы занимают в жизни и в развитии социально-политических взглядов Гарибальди особое место. Это было время, когда он, буржуазный революционер, посвятивший свою жизнь борьбе за национальную независимость и единство, очутился в Италии, объединенной сначала в основном, а после освобождения Венеции и Рима и полностью, т. е. разрешившей — плохо ли, хорошо ли — основную задачу буржуазной революции.

Уже в 60-е годы, еще в значительной степени заполненные для Гарибальди борьбой за освобождение Венеции и Рима, действительность рассеяла его смутные надежды на какой-то особый восстановительный режим, который правительство Виктора-Эммануила якобы обеспечит Италии. Эти годы оказались для итальянского королевства невеселой зарей тяжелого дня. Объединение, оставившее власть в руках собственнических классов, легло на народ бременем централизованного, бюрократического аппарата, бременем налогов, которые в некоторых местностях были в полтора-два раза тяжелее, чем во времена политической раздробленности. На фабриках продолжительность рабочего дня доходила до 16 часов, заработной платы рабочих, по свидетельству современников, нехватало даже на хлеб. Проникновение капитализма в сельское хозяйство приводило к тому, что в деревнях скаплялось все больше голодных арендаторов и батраков. Положение народных масс становилось невыносимым, эмиграция принимала широкие размеры. В разных концах полуострова вспыхивали рабочие забастовки, луддитские выступления, жестоко подавлявшиеся правительством стихийные бунты крестьянской бедноты.

В Южной Италии, уже тогда превращаемой буржуазией Севера в свою внутреннюю колонию, классовые противоречия были особенно обострены. Итальянское правительство отнимало у крестьян полученные ими от Гарибальди общинные земли, возвращало членам свергнутого дома Бурбонов конфискованные у них поместья и, точно стараясь стереть всякий след революционно-демократической диктатуры Гарибальди, смешало с административных постов, даже с университетских кафедр, поставленных им людей. В южных провинциях чуть ли не ежедневно вспыхивали волнения; в Неаполе и Палермо бурные демонстрации требовали возвращения Гарибальди. В деревнях возмущение обманутых в своих надеждах получить землю крестьян выливалось в характерную для Южной Италии примитивную форму крестьянской борьбы за землю — разбои. Вооруженные Ватиканом и Гаэтой³⁵, ставшиеся использовать народную нужду в своих интересах, но поддержанные всей массой безземельной крестьянской бедноты разбойничьи шайки жгли поместьи усадьбы,

³³ Ibid., p. 161.

³⁴ Garibaldi, vol. VI, p. 323.

³⁵ В Гаэте укрылся бежавший в 1860 г. от отрядов Гарибальди из Неаполя Франциск II Бурбон.

дома, хоронили в сельских местностях и, занимая штурмом провинциальные города, громили дома богачей и конторы по сбору налогов. Разбои принимали громадные размеры, перерастали в своего рода крестьянскую войну.

В новой, сложной обстановке происходило в 60-х и особенно в 70-х годах расслоение итальянской демократии. Теперь, когда объединение было достигнуто, многие вчерашние сподвижники Гарибальди забыли о своих демократических идеалах и становились чиновниками, министрами сенаторами итальянского королевства.

В рядах оппозиции правительству все явственней слышались голоса нового поколения политических деятелей — интеллигентской молодежи, которая отражала недовольство разоряемой крупным капиталом мелкой буржуазии и, при отсутствии оформленвшейся рабочей партии, вела за собой и рабочих. Гарибальди был с этой молодежью. Отказываясь от казенных почестей и наград, долгое время отклоняя, несмотря на крайнюю нужду, вотированную ему парламентом субсидию, он, не колеблясь, определял свое место в объединенной Италии.

«Мы не пойдем на банкет куртизан, счастливых творцов итальянской нужды и позора...»³⁶. «Мы останемся со страдающими до конца...»³⁷ «Мы не отречемся от наших братьев, от пролетариата, сражавшегося об руку с нами на полях 20 битв за свободу»³⁸, — неоднократно повторял он в те годы.

Теперь (т. е. в 60-х годах), когда объединение было почти достигнуто, а то «улучшение», моральное и материальное, которое Гарибальди ждал для Италии от объединения, так и не наступило, социальные проблемы занимали его сами по себе, а не лишь в связи с национально-освободительными задачами, как это было раньше.

Гарибальди глубоко волновало положение в стране. Не в силах побороть невольной оторопи перед мощью разыгравшейся на юге крестьянской стихии, он тем не менее понимал, что разбои — это «следствие голода и нужды» и что разбойники — это «несчастные крестьяне, которые умирали от голода и были обмануты попами»³⁹, и в своем романе «Клерлия» создал даже отражающий крестьянские чаяния, романтизованный образ «доброго разбойника», карающего деспотов и защищающего слабых.

Со все возрастающей болью прислушивался он к доносившимся до него со всех концов полуострова «стонам нужды», с горькой иронией писал о законах, которые издаются, чтобы держать народ «в нищете и подчинении»⁴⁰, об итальянском войске, которое отправляется в поход против населения, разоренного поборами и отказавшегося платить новый налог⁴¹. Гневно протестовал он против роста налогов, нарушения политических свобод, арестов, расстрелов, все острее сознавал, что положение народа было лучше во времена политической раздробленности «при 7 тиранах»⁴², что в Италии «льется кровь граждан..., борцы за независимость умирают от голода и кончают самоубийством средь роскоши и блеска городов, у ребенка нет школы... у сироты приюта»⁴³. Он и теперь не умел подойти к окружающей его действительности с классовой точки зрения. Человек иной эпохи, он неизбежно медленно и с трудом ориентировался в том царстве побеждающего капитализма, каким стала объединенная при его

³⁶ Garibaldi, vol. VI, p. 108.

³⁷ Ibid., p. 95.

³⁸ Ibid., p. 117.

³⁹ Ibid., p. 401.

⁴⁰ G. Garibaldi. *Cantoni il volontario*. Milano, 1870, p. 167.

⁴¹ Garibaldi, vol. III, p. 18.

⁴² Ibid., vol. VI, p. 281.

⁴³ Ibid., vol. V, p. 201.

участии Италия. Конечно, он не мог не увидеть резко обострившихся в Итальянском королевстве классовых противоречий и в 1861 г., потрясенный размахом крестьянских выступлений в Южной Италии, с тревогой писал о «громадной пропасти, какая разделяет и делает врагами бедного и богатого и заставляет батрака во многих странах Европы желать разрушения существующего строя и изгнания хозяина как единственного средства улучшить свое положение на этом свете»⁴⁴. Но что классовая борьба является органически присущей классовому обществу закономерностью — этого он все же не понимал и видел в ней нечто случайное и устранимое добром волей сторон, в первую очередь собственников. Отсюда его многократные в эти годы призывы к богатым «спуститься в хижину батрака» утешать его, ободрять, пожертвовать ему часть своего излишка⁴⁵. Отсюда у Гарибальди и наивная надежда, что в день, когда «зажиточные классы увидят в бедняке своего брата»⁴⁶, исчезнут те «антагонизмы меж бедными и богатыми, какие, к несчастью, существуют в человеческой семье».

Не понимая закономерного характера классовой борьбы, Гарибальди и в эти годы упорно старался втиснуть всю сложность окружающей его действительности в свою старую схему «политической тирании». Правда, под влиянием обострения классовых противоречий в стране в этой схеме появляются новые стороны и оттенки.

Из опыта итальянской конституционной монархии Гарибальди делает вывод, что «тиранней» может быть не только абсолютизм, как он думал раньше, но и «абсолютизм, замаскированный конституцией». Раздумывая теперь о «тиранах» и «приспешниках тирана», он приходит к выводу, что общество «разделено надвое жестокостью и ложью»⁴⁷. Оно состоит из немногих наслаждающихся и многих страдающих. Страдающие — это рабочие, крестьяне, интеллигенция и моряки (напомним, что Гарибальди был моряком по профессии). Это — производительная часть общества и «доброе» начало в нем. Наслаждающиеся — это монархи, духовенство, военные, необходимые despotам для защиты от собственного народа и «армии служащих», которые они создают, чтобы иметь преданные им креатуры⁴⁸ — одним словом, весь тот бюрократический государственный аппарат, который действительно чрезвычайно тяжело давил на народные массы Италии. Они ничего не производят, но, завладев с помощью налогов достоянием бедняков, «гарцуют», по выражению Гарибальди, на их спинах.

Значительно более четко, чем прежде, когда речь шла о «народе» вообще, Гарибальди, определяя теперь, кто является в современном ему обществе производительной и эксплуатируемой его частью, в характеристике тех, «кто наслаждается», не выходит за пределы своего старого перечня «приспешников тирана», а самую эксплуатацию бедняков мыслит как эксплуатацию со стороны правительства с помощью налогов и последующего распределения выкаченных у народа средств между крупными чиновниками, военными и духовенством. «Можно утверждать без опасности удалиться от истины,— пишет он в «Клерии»,— что половина народа живет в труде и нужде, оплачивая неумеренность и злодеяния правительств. Другая же половина жирно оплачивается правительствами, что бы унижать первую, бороться с нею и шпионить за ней»⁴⁹.

⁴⁴ Garibaldi, vol. IV, p. 401.

⁴⁵ См., хотя бы, Garibaldi, vol. IV, p. 400—401.

⁴⁶ Garibaldi, vol. V, p. 31.

⁴⁷ Ibid., vol. VI, p. 96.

⁴⁸ Ibid., vol. VI, p. 383, 422 etc.

⁴⁹ Garibaldi. Clelia, p. 446.

Соответственно этому Гарибальди называет и основные меры, которые должны вывести народ из нужды. Это сокращение расходов на непроизводительную часть общества: уменьшение количества служащих, военных, уничтожение «войска попов», которых Гарибальди предлагал выселить из Италии или приучить к полезному труду, не без иронии добавляя, что, если «жирные попы» пойдут обрабатывать почву, то солнце не перестанет светить, Италия выиграет, а попы поздоровеют⁵⁰.

Видя в итальянском правительстве главного виновника народной нужды и горя, Гарибальди уже в конце 60-х годов вновь поднял на щит республику — этот, как писал он впоследствии, «великолепный идеал нашей жизни». «Нынешние системы правительства — это организованный разбой. Кому нужен этот человек, обладающий 40 миллионами годового дохода и правом самовольно распоряжаться государственной казнью?»⁵¹ — гневно вопрошал он, говоря об итальянском монархе. «Народы Европы задыхаются от королей...» — писал Гарибальди.

В эти годы его давнишняя мечта о республике конкретизировалась в представление о республике — по сути буржуазно-демократической, — с развитым местным самоуправлением, политическими свободами и полным равенством всех перед законом. Не понимая классовой сущности буржуазного государства, Гарибальди верил, что такая республика будет «правлением нации в интересах нации» и принесет итальянскому народу славу и процветание.

Призвать к вооруженной борьбе за республику он все же не решался. В 60—70-х годах XIX в. классовые противоречия в Италии были настолько обострены, что народная, крестьянская революция казалась современникам возможной и близкой, и опасение, что вооруженная борьба с правительством к такой революции приведет, было весьма распространено среди итальянских республиканцев.

Гарибальди, буржуазному революционеру, подобная, направленная уже не против иностранных угнетателей, а против итальянских буржуа и дворян революция неизбежно казалась «ужасными конвульсиями»⁵², «катализмом», разрушительная сила которого «будет соответствовать ненависти, вызванной теми, кто так недостойно угнетает Италию»⁵³.

Поднимаясь, волна народных выступлений увлекла его за собой, и в моменты, когда его возмущение действиями итальянского правительства было особенно велико, он готов был по-старому бросить клич «вооруженной борьбы с тиерией». В такие минуты он чувствовал, что его сердце бьется, «как на полях минувших битв за свободу».

Потом волна народных выступлений спадала, порыв проходил, и Гарибальди — по необычному нерешительный — вновь начинал мечтать о том, чтобы прийти к республике мирно, «без конвульсий и потрясений, одной только силой всеобщей заинтересованности и процветания»⁵⁴. Противоречивость стремлений приводила старого борца к тому, что он чувствовал себя растерянным, сбитым с толку. «Что будет делать Италия?... Демократия, в поисках ответа на этот вопрос, обращается к тем, кто ее некогда вел, но, я со своей стороны, затрудняюсь на него ответить», — признавался Гарибальди в начале 70-х годов⁵⁵.

⁵⁰ Garibaldi, vol. VI, p. 249.

⁵¹ Ibid., p. 420.

⁵² Ibid., p. 118.

⁵³ Ibid., p. 550.

⁵⁴ Ibid., p. 113.

⁵⁵ Ibid., p. 550.

Но каковы бы ни были колебания Гарибальди, его сочувствие всегда было на стороне народных масс и его признание законности и справедливости борьбы итальянских трудящихся со своими угнетателями было неизменно. «Народ, приветствовавший революцию, надеялся, вырвавшись из кровавых когтей семиглавой гидры, перейти к режиму благодетельному и восстановительному,— пишет он в 70-х годах.— Бедный народ!— Как он ошибся. И если подчас мучимый голодом и непомерными налогами испорченного правительства проклинает он тех, кто ухудшил его положение... он прав!»⁵⁶. И Гарибальди, с иронией отзывааясь о «порядке», который якобы нарушают голодные рабы, пишет о народе как о льве, который в гневе ужасном, но с праведливом разрывает на части «людей привилегий»⁵⁷, кидает в лицо итальянским правителям слова о справедливой ненависти, которую питает к ним народ⁵⁸.

* * *

И в годы борьбы за объединение и в более поздние годы Гарибальди никогда не отрывал судьбу итальянского народа от судьбы угнетенных народов всего мира.

Время, в которое он жил, было временем революционной борьбы не в одной только Италии. В разных концах земного шара вспыхивали антифеодальные, национально-освободительные движения.

Национально-освободительная борьба в Греции, в которой в конце 20-х годов мечтал принять участие совсем еще юный Гарибальди, революционные 1830 и 1848 гг., борьба южноамериканских республик за независимость в 30-х и 40-х годах, борьба народов Балканского полуострова против турецкого ига в 60—70-х годах — во всех этих событиях XIX в. точно доделывал и завершал то, что начала и не закончила французская буржуазная революция XVIII в. Для Гарибальди все эти события, вслед за национально-освободительной борьбой в Италии, послужили той почвой, на которой развились столь характерные для него интернационалистические черты его деятельности и идеологии.

Не понимая классового характера событий, которые происходили на его родине, он не понимал и классового характера более далеких от него движений. Борьба народов Америки и Европы была для него все той же борьбой с политической тиранией, какую он видел в Италии, и все человечество представлялось ему, как Италия, разделенным на тиранов и их приспешников и на угнетенные ими народы. Борьба народов с тиранией лежала, по его представлению в основе «всех восстаний, всех революций», ибо «народы, хорошо управляемые и довольные, не восстают... Моральная или материальная, тирания всегда причина революции». И он громко прокламировал право народов на эту борьбу,— извечное, по его выражению, «право раба удушить своего тирана», выступая и здесь, таким образом, глашатаем революционно-демократических антифеодальных движений.

Залог победы народов мира в борьбе с тиранией Гарибальди видел в их братской солидарности и единстве. Попы и тираны, заявлял он, живя за счет народов, держат народы в невежестве и, раздувая между ними национальный и расовый антагонизм, натравливают их друг на друга. «А между тем,— восклицал Гарибальди,— человеческая семья едина и народы разделяют не реки, не горы, не языки, а попы и деспотизм!»

⁵⁶ Garibaldi, vol. VI, p. 117. Речь идет о 1860 г. и под «Семиглавой гидрой» подразумеваются полупрефедальные итальянские государи.

⁵⁷ Garibaldi, vol. III, p. 171 (разрядка наша.— К. К.).

⁵⁸ Ibid., p. 59 (разрядка наша.— К. К.).

Сила тиранов в разобщенности народов и рас, неоднократно указывал Гарибальди. В день, когда солидарность народов будет достигнута, деспотизм отступит перед свободой, и «обман и тирания возвратятся в пропасти, из которых они когда-то вышли»⁵⁹.

Поэтому «дело свободы едино»⁶⁰ и «обязанность каждого честного человека биться за свободу всюду, где господствует тирания»⁶¹.

Поэтому и ненависть, вызванную тиранами, нельзя распространять на народы.

«Вы должны уметь отличать народ от того, кто его тиранит,— говорил он летом 1862 г. жителям Палермо, зовя их на борьбу с оккупировавшими Рим войсками Наполеона III.— Наполеон III наш враг, но французский народ, как и мы, стремится к свободе... Это наш брат! Народы всегда братья!»⁶².

«Не оставляйте Польшу, не ждите, пока и вы будете доведены до отчаяния, как она! Не оставляйте гореть дом соседа, если хотите, чтобы вам помогли погасить огонь, который пожирает ваш дом», — призывал он в 1863 г. народы Европы⁶³.

Неустанно подчеркивавшаяся Гарибальди идея братства народов не была в ту эпоху чем-то новым. Смутные мечты о времени, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся», разделялись в начале 30-х годов лучшими представителями европейской демократии, пропагандировались, в частности, Мадзини в подпольных изданиях «Молодой Италии».

Гарибальди, восприняв идею братства народов в юности, пронес ее как знамя через всю свою долгую и бурную жизнь.

Пламенный патриот, посвятивший себя «наиболее прекрасной и высокой цели — освобождению родины», он отдал 14 лет своей жизни борьбе за свободу южноамериканских республик, в 1870 г. уже стариком, сражался, защищая республиканскую Францию от немецких войск. Стремясь, чтобы его родина «защищала не только свои права, но и права других народов», он в 1849 г. призывал итальянцев «сделать своим» дело Венгрии, готовил в 1863 г. вооруженное выступление и поддержку поднявшейся на бой за независимость Польше, приветствовал борьбу за свободу албанцев, греков, румын, организовывал отряды вооруженных гарибальдийцев в поддержку национально-освободительного восстания на Крите. «Я хотел бы, чтобы Италия подала руку рабам всего мира», — признался он однажды⁶⁴.

Мечта о братстве народов превратила Гарибальди в убежденного борца за мир. Воин, проведший большую часть жизни в сражениях и бывший, по определению Энгельса, человеком «необычайного военного таланта»⁶⁵, всеми силами своей «огненной»⁶⁶ души ненавидевший войны за страдания и лишения, которые они несут человечеству, он должен был, по собственному признанию, «выдержать битву в своем сердце, прежде чем отдать приказ о наступлении»⁶⁷.

«Я не люблю войну, это слезы угнетенных заставили меня взяться за оружие»⁶⁸. «Я не солдат по профессии, я стал солдатом, ибо нашел воров

⁵⁹ Garibaldi, vol. V, p. 190.

⁶⁰ Ibid., p. 125.

⁶¹ Garibaldi, vol. IV, p. 28.

⁶² Garibaldi, vol. V, p. 100.

⁶³ Ibid., p. 185.

⁶⁴ Garibaldi, vol. V, p. 25.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. II, стр. 183.

⁶⁶ Там же, стр. 159.

⁶⁷ Garibaldi, vol. V, p. 5.

⁶⁸ См. Garibaldi, vol. V, p. 4, 233 etc.

в своем доме и вооружился, чтобы изгнать их», — повторял он неоднократно⁶⁹.

Прокламируя святость освободительных войн, этих «войн раба против своего тирана», Гарибальди с тем большей страстью выступал против войн завоевательных. Стремясь, чтобы его родина заняла среди других наций «место, предназначеное ей судьбой», Гарибальди публично заявлял, что, посягни Италия на свободу других народов, он будет на стороне угнетенных⁷⁰.

Последние десятилетия жизни Гарибальди были временем обострения международных противоречий и начавшейся в Европе гонки вооружений. Это вызывало гневный протест старого борца за свободу. «Что за бомбы, что за броня и аппараты для стрельбы! И миллиарды, растратченные на машины для разрушения, вместо того, чтобы быть использованными на развитие промышленности и уменьшение людской нужды!» — восклицал он в 1860 г. в письме к английскому народу⁷¹.

«В то время, как вы закладываете основы человеческого братства..., — предупреждал он год спустя итальянских рабочих, — сильные мира растратчивают на вооружение миллионы, которые могли бы улучшить положение бедных и, натравливая их друг на друга, ведут ко всеобщей бойне!»⁷².

Резко протестовал Гарибальди и против непрестанного увеличения численности европейских армий, требуя отмены постоянного войска и мечтая о времени, когда «армии рабочих», прокладывающих железные дороги и каналы, придут на смену «армиям, создаваемым для уничтожения людей».

Не понимая классовой сущности захватнических войн капитализма, Гарибальди видел в них «безумие века» и «дело рук немногих монархов и шовинистов», и это приводило к тому, что в своей борьбе за мир он нередко стучался не в те двери.

Все же в конце 60-х годов Гарибальди увидел залог вечного мира и братства народов в Международном товариществе рабочих. Подлинной марксистской программы I Интернационала он не знал. Он судил об Интернационале по выступлениям итальянских, т. е. бакунистских его секций и буржуазной прессы и был поэтому убежден, что в программу Интернационала входит вызвавшие резкое его неодобрение борьба с правом наследования, отмена государства и даже отмена семьи. В коммунизме он видел теорию, которая «хочет сделать бедных богатыми, а богатых бедными»⁷³; коллективизация земли была для него «чем-то вроде аграрного закона»⁷⁴, а требование обобществления орудий труда он отводил на том основании, что крестьянин, у которого есть 2 коровы, все равно не согласится отдать одну из них соседу⁷⁵. Но сквозь всю буржуазную путаницу и ограниченность этих воззрений Гарибальди инстинктивно почувствовал в Международном товариществе рабочих «совокупность страдающих классов»⁷⁶, общество, которое «побуждает нации говориться друг с другом и уничтожить ложь, войну и привилегии»⁷⁷ и «имеет смелость хотеть братства людей, к какой бы нации они ни принадлежали».

⁶⁹ Ibid., p. 223.

⁷⁰ Ibid., p. 237—238.

⁷¹ Ibid., p. 152.

⁷² Garibaldi, vol. IV, p. 411.

⁷³ Ibid., p. 92.

⁷⁴ Ibid., p. 553.

⁷⁵ Ibid., p. 554.

⁷⁶ Garibaldi, vol. III, p. 6.

⁷⁷ Ibid., vol. VI, p. 546.

ли»⁷⁸. И это побудило его назвать Интернационал «солнцем будущего»⁷⁹ и выступить с публичной его защитой после падения Парижской коммуны, когда буржуазия всего мира обливала I Интернационал потоками грязи.

«Судите и осуждайте то, что может быть плохого в Интернационале, — писал Гарибальди в 1871 г., — но я вижу — и все честные люди и правительства увидят, что он выступает инициатором того, что есть хорошего в обществе, например уничтожения войн, постоянных войск и привилегий. Он хочет, чтобы миллионы солдат, которых теперь держат, чтобы разрушать государства и убивать людей, были возвращены промышленности и сельскому хозяйству, и чтобы пушки, бомбы и броня были перевованы на машины для землепашцев». «Интернационал хочет, чтобы все люди были братья, чтобы не было попов и пришел конец привилегиям. Естественно, что я ему симпатизирую», — писал он⁸⁰.

Выступления Гарибальди в защиту I Интернационала вызывали горячий отклик среди итальянской демократии, и на одном из заседаний Генерального совета Международного товарищества рабочих было специально отмечено, что письмо Гарибальди, в котором он выражает сочувствие Интернационалу, произвело громадный эффект в Италии и подтолкнуло многих, ранее сомневавшихся, к тому, чтобы составить себе благоприятное представление об Интернационале⁸¹.

Исключительная популярность Гарибальди придавала особое значение и его критике анархистских (бакунистских) секций Интернационала. Убежденный сторонник крепкой правительственной власти, Гарибальди особенно резко выступал против бакунистского тезиса об уничтожении государства.

В 1873 г. редактор одной из анархистских итальянских газет Крешио прислал Гарибальди номер своей газеты, полной, по выражению Энгельса, «гневных выкриков против того, что они (итальянские анархисты — K. K.) называют «авторитарным принципом»⁸².

«...Вы объявляете в своей газете войну против лжи и рабства. Это — прекрасная программа, — отвечал ему Гарибальди. — Но я полагаю, что борьба с принципом власти является одной из тех ошибок Интернационала, которые мешают его успехам»⁸³.

На заседании Лондонских секций Интернационала, где обсуждалось это письмо, было специально подчеркнуто, что «Интернационал, который Гарибальди, очевидно, имеет в виду, — это итальянская часть ассоциации, большинство которой по вопросу о власти находится в состоянии бунта против Генсовета» и что «выступление Гарибальди против антиавторитаристов, как он их называет, является, таким образом, одобрением позиции, которую ассоциация в целом занимает по этому вопросу»⁸⁴.

«Старый борец за свободу, который в одном 1860 году сделал больше, чем попытаются сделать когда-либо на своем веку все анархисты, вместе взятые, знает цену дисциплине...», — комментировал Ф. Энгельс это письмо⁸⁵.

⁷⁸ Ibid., vol. III, p. 161.

⁷⁹ Ibid., vol. VI, p. 119.

⁸⁰ «Epistolario di G. Garibaldi» raccolto ed annotato da E. Ximenes, vol. I, Milano [1885], p. 380.

⁸¹ См. N. Rosselli. Mazzini e Bakounin. Torino, 1927, p. 386. Речь идет об известном письме Гарибальди к главе итальянских массонов Петрони.

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 103.

⁸³ Цитируем по жн. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 584, примечание.

⁸⁴ «Eastern Post», 13.VII. 1873.

⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 104.

Приветствуя I Интернационал, Гарибальди приветствовал и его духовное детище — Парижскую Коммуну.

Истинной сущности Коммуны — первой в истории пролетарской революции — он, как и большинство его современников, не понял, но он сумел все же противопоставить «республиканскую Республику» Парижа «монархической Республике» Версалья, где концентрировалась в дни Коммуны французская реакция. Смутно, но все же отдавал он себе отчет и в народном характере Коммуны, говоря о борьбе коммунаров, как о борьбе «храбрых простолюдинов Парижа»⁸⁶.

Интересно, что в практической деятельности Коммуны Гарибальди привлекало то, что в ней действительно было наиболее ценно — деятельность в области создания нового государственного аппарата. Правда, того обстоятельства, что Коммуна сломала буржуазный и создала пролетарский государственный аппарат, Гарибальди не понял, но он чрезвычайно ценил отмену Коммуной постоянного войска, а также широкое самоуправление, которое она хотела после победы над версальцами дать провинциям. Имея в виду эти мероприятия, он и писал, что Коммуна «может служить образцом будущей политической организации Европы и всего мира»⁸⁷ и что поражение этой «прекраснейшей из революций» было «величайшим несчастьем», ибо оно оставило в наследство человечеству постоянное войско, а значит и войны.

В защиту Парижской Коммуны от буржуазной клеветы и грязи Гарибальди выступил так же решительно, как и в защиту I Интернационала.

«Кто побудил вас кинуть проклятие павшим, проклятие людям, которые в годы тирании, лжи, подлости и деградации высоко подняли, умирая, знамя справедливости и права? — писал он в 1871 г. главе итальянских массонов Петрони.— Анафема Парижу? А за что? За то, что разрушены Вандомская колонна и дом Тьера? А разве вы никогда не видели целые деревни, преданные огню за то, что они дали приют волонтеру или франтире? И это не только во Франции, но и в Ломбардии, в Венеции, всюду!»⁸⁸.

«Слава тебе, Париж! Город великих деяний, вечно обманывающийся и вечно бросающий миру в лицо блестящие примеры героизма!.. Слава тебе, великий побежденный! Наибольшее горе я ощущаю от того, что не сумел участвовать в твоей борьбе гигантов!» — писал он в первую годовщину Коммуны, 18 марта 1872 г.⁸⁹.

Выступления Гарибальди в защиту Парижской Коммуны и I Интернационала создали в начале 70-х годов предпосылки для личного сближения между Марксом и Энгельсом и Гарибальди, или, по крайней мере, ближайшим его окружением. Вопрос этот не исследован, и в бумагах Гарибальди — во всяком случае в опубликованных — об этом упоминания нет, но Энгельс 13 ноября 1871 г. писал Т. Куно в Милан, что он видел у Маркса Риччотти Гарибальди⁹⁰ и что тот, хотя скорее солдат, чем мыслитель, может быть очень полезен. «Ведь и старик,— продолжал о Дж. Гарибальди Энгельс,— в своих теоретических взглядах проявляет больше доброй воли, чем ясности, тем не менее, его последнее письмо к Петрони представляет для нас громадную ценность. Если его сыновья в моменты всех великих кризисов проявят такой же правильный инстинкт, как и старик, то они смогут много сделать»⁹¹.

⁸⁶ Garibaldi, vol. VI, p. 474.

⁸⁷ Ibid., p. 537.

⁸⁸ Garibaldi Lettere e proclami a cura di R. Zangheri. Milano, 1954, p. 101—102.

⁸⁹ Garibaldi, vol. VI, p. 537-538.

⁹⁰ Сын Дж. Гарибальди.

⁹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 170.

Последние годы жизни Гарибальди были заполнены судорожными попытками найти выход из сковывавшей итальянский народ нужды. Хватаясь в поисках этого выхода за самые различные проекты, он строил в содружестве с инженерами планы осушения болот, озеленения гор, перемены русел рек, мечтал о разработке пустошней, строительстве судостроительных верфей, железных дорог, мостов, о том, чтобы «возбудить производственный гений народа и так восстановить процветание страны». В одном из своих романов Гарибальди рисует возрожденную Италию, какой она ему якобы приснилась и какой, он верил, она будет. Он писал с цветущих посевах, покрывающих ныне пустынные земли римской Кампании, об осушенных болотах, укрощенных реках, железных дорогах, на которых машинистами и кондукторами работают вчерашние таможенники и солдаты⁹². Реализация большинства его проектов была не по плечу буржуазной Италии, многие из них сохранили свою актуальность и по сей день.

Возвращаясь после каждой неудачной попытки добиться осуществления этих планов к своему уединению на Капрере, Гарибальди снова и снова приходил к заключению, что правительство, которое «должно делать полезные вещи — осушать болота Остии и Маккарезе, строить мосты и прокладывать дороги», занимается на деле лишь сбором налогов и растратой государственных средств и составляет «несчастие нации».

Постепенно в его высказываниях, наряду с восхвалением «трудолюбивой бедности, которая хочет жить на 20 байокков (мелкая монета.—К. К.), заработанных собственным трудом», начинает все резче звучать порицание «жирных богачей», возмущение тем, что «...привилегированный класс, который одними своими излишками мог бы улучшить положение бедных, предпочитает гарцевать среди неумеренных излишеств», увеличивая нужду, проституцию, невежество и «непримиримую ненависть между теми, кто производит, и теми, кто потребляет, не производя»⁹³.

«Единственно, кто хочет свободы,— это раб». «Равенства хочет бедный»,— с горечью констатирует Гарибальди.

Разуверившись в добром воле собственников, которых он некогда призывал отдать свой излишек бедным, и возлагая на них ответственность за разжигание классовой розни в стране, Гарибальди, под конец жизни сделал попытку пересмотреть свой тезис о правительственной эксплуатации как основной причине нужды. «Нужда людей,— читаем мы в написанном в 1876 г. отрывке,— заключается в диспропорции собственности. Кто владеет тысячью, а кто единицей. Другая причина нужды — в большом количестве людей, которые ничего не производят...»⁹⁴.

Как видим, диспропорция собственности выдвигается здесь на первый план. Наличие же большого количества непроизводительных элементов — уже знакомые нам армии чиновников, духовенства, военных — отодвигаются на второй. Гарибальди не сделал, однако, вывода о необходимости борьбы тех, «кто владеет единицей», с теми, «кто владеет тысячью». «Лекарством от этой нужды,— продолжал он,— может быть честное и энергичное правительство, которое уничтожит нужду, лишая, прямо или косвенно, богатейших людей их излишка»⁹⁵.

Дальше этих эгалитарных тенденций, реализация которых к тому же возлагалась на «честное и разумное правительство», т. е. на республику,

⁹² Garibaldi, vol. III, p. 340—349.

⁹³ Garibaldi, vol. VI, p. 346.

⁹⁴ Ibid., p. 554—555.

⁹⁵ Garibaldi, vol. VI, p. 555.

социальная мысль Гарибальди уже не пошла. Он видел перед собой Европу, в которой «тот, кто трудится, умирает от голода, а бездельники уточивают в излишествах», видел Италию, бесконечно далекую от славы и процветания, которые он мечтал завоевать для нее когда-то, и постепенно в его голосе начинали звучать все более горькие ноты, он все чаще говорил о глубоком своем разочаровании, непрестанной тоске.

«Нет, о совсем иной Италии мечтал я в течение всей моей жизни, не о такой, униженной... и несчастной!...» — вырвалось у него незадолго до смерти⁹⁶. Незадолго до смерти, в 1878 г. Гарибальди произнес и другую знаменательную фразу: «Апостол мира, я должен сказать вместе с Луи Бланом: мир будет возможен, когда народы станут хозяевами своей судьбы»⁹⁷.

Но где сила, способная сделать народы хозяевами своей судьбы, он так и не увидел, и исторической роли пролетариата понять не сумел.

Социально-политические взгляды Гарибальди сложились в 30-х годах XIX в. Хотя впоследствии они под влиянием жизненной практики эволюционировали влево, Гарибальди не смог преодолеть влияние старых схем и выйти за пределы итальянской и европейской демократической мысли начала 30-х годов XIX в.

Не приходится говорить, что его концепция борьбы с одной только политической тиранией, так же как и его представления о надклассовом характере национально-освободительной борьбы, были далеки от марксизма, хотя следует учесть, что проникновение марксизма в Италию, даже в 60-х и 70-х годах XIX в., было весьма незначительно и что Гарибальди марксизма не знал.

В целом, идеология Гарибальди, не говоря уже о его практической деятельности, была глубоко революционна. Это была идеология антифеодальной национально-освободительной борьбы, стремящейся вырасти в народную борьбу за свободу и видящей свою цель в достижении национальной независимости и единства и общей демократизации всей жизни страны. Глубокое народолюбие и подлинный интернационализм Гарибальди побуждали его вслед за Мадзини мыслить борьбу за национальное возрождение Италии «одним из моментов борьбы за независимость всех наций мира»⁹⁸, и это еще более усиливало революционное значение его взглядов.

Мелкобуржуазный демократ, Гарибальди воплотил в себе лучшее, что могла дать итальянская буржуазия в пору своей революционности. Его имя, наряду с именами Робеспьера и Халтурина, называл В. И. Ленин, подчеркивая, что «Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом»⁹⁹.

⁹⁶ Ibid., p. 306.

⁹⁷ Ibid., p. 275.

⁹⁸ M. Ercoli (P. Togliatti). L'Italia e la guerra contro la Germania hitleriana. Mosca, 1944, p. 58.

⁹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 197.

Материалы о Рисорджименто:

Феличе Орсина. Мемуары (с комментариями и статьей Г.Сандомирского)

М.Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.

М.Ковальская. Итальянская революция 1831 г. и Франция

М.Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство.

От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.

В.Невлер. К истории воссоединения Италии

М.Ковальская. Дж. Г. Байрон и карбонарское движение

К.Кирова. Французские революции (1789-1848 гг.)

и итальянские умеренные либералы (1830-1860 гг.)

К.Кирова. Концепции итальянской революции в ранних работах Мадзини (1831-1833 гг. Первый период «Молодой Италии»)

К.Кирова. Социально-политические взгляды Дж.Гарибальди

Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто

Дж.Берти. Социалист-утопист 40-х годов XIX века Микеле Фодера

Б.Козьмин. Николай I и Мадзини в 1854 г.

В.Невлер. Н.А.Добролюбов и борьба за воссоединение Италии

И.Полуяхтова. История итальянской литературы 19 в. Эпоха Рисорджименто

см. соответствующий тэг в нашем сообществе

<http://vive-liberta.diary.ru/?tag=3337656>

подборки текстов

о Мадзини <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#madz>

о Гарибальди <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb>